

Судебно-психологическая экспертиза морального вреда(опыт проведения СПЭ по делам о компенсации морального вреда в результате ЧС в п. Пугачево Республики Удмуртия)

Дьячкова И.С., Пчельников Ю.М.

Некоммерческое Партнерство «Межрегиональный центр практической психологии и экспертизы «Развитие» (Ижевск)

Несмотря на то, что институт компенсации морального вреда существует в российском законодательстве более пятнадцати лет, практика привлечения экспертов-психологов и назначения судебно-психологической экспертизы для определения наличия/отсутствия нравственных страданий, глубины и степени их выраженности в нашем регионе невелика. Как правило, в гражданском процессе по делам о компенсации морального вреда участники судебных разбирательств обращают свое внимание на доказывание факта причинения физических страданий путем назначения судебно-медицинской экспертизы. Тот факт, что понятие страдания входит в категориальный аппарат психологии, незаслуженным образом игнорируется.

Аналогичная практика была изначально использована и участниками судебных разбирательств в Малопургинском районном суде УР по многочисленным делам о компенсации морального вреда, причиненного в результате чрезвычайной ситуации, произошедшей в ночь со 02 на 03 июня 2011 года на складах войсковой части 86696 с. Пугачево (взрывы на военных складах боеприпасов).

По ходатайству истцов судом были назначены судебно-медицинские экспертизы. При этом наряду со стандартными вопросами (о наличии/отсутствии у истца каких-либо заболеваний, установления причинно-следственной связи возникновения заболевания с исследуемыми событиями, их степени тяжести) перед экспертами были поставлены вопросы, разрешение которых не входит в компетенцию судебно-медицинских экспертов. Например, имелись вопросы о наличии/отсутствии у истца каких-либо изменений эмоциональной, личностной сферы после событий, происшедших в ночь со 02 на 03 июня 2011 года в п. Пугачево, о наличии/отсутствии индивидуально-психологических особенностей, которые могли увеличить глубину и длительность субъективного переживания исследуемых событий, а также о том, какова степень, глубина и длительность изменений психической деятельности. Также ставились вопросы о стрессовом состоянии истца, о психотравмирующем характере событий чрезвычайной ситуации. Тем самым очевидной явилась необходимость проведения комплексных экспертиз с использованием специальных психологических знаний и привлечением к участию в разрешении экспертных вопросов экспертов-психологов.

Психологами нашей организации было проведено 12 экспертных исследований в рамках комплексных медико-психологических экспертиз по искам

о компенсации морального вреда в результате ЧС в п. Пугачево УР. Нами были использованы методы психологического анализа материалов гражданского дела и медицинской документации, ретроспективный анализ состояния подэкспертного в исследуемых событиях, направленная беседа, наблюдение, экспериментально-психологическое исследование.

При разрешении экспертных вопросов использовался пакет диагностических инструментов, наиболее оправдавший себя при решении экспертных задач в рамках данного вида экспертизы. Указанный пакет включал в себя индивидуально-типологический опросник Собчик Л.Н. (ИТО), Методику многостороннего исследования личности (ММИЛ – Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В.), Стратегии совладающего поведения (ССП - R.Lazarus), опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90, Дерогатис, 1974, адаптация теста - в НИИ им. В.М. Бехтерева, С-Петербург), тест Люшера, тест Розенцвейга. Также в зависимости от индивидуальных особенностей личности и состояния истцов (подэкспертных) использовался ряд других диагностических методов.

Алгоритм судебно-психологического исследования по установлению факта причинения морального вреда включал в себя следующие этапы:

- анализ анамнестической, биографической, характеризующей информации гражданского дела, субъективного отчета, экспериментальных данных с целью ретроспективного анализа личности подэкспертного до исследуемых обстоятельств, с анализом сведений о качестве адаптации обследуемого во всех значимых областях - социальной, межличностной, семейной, профессиональной адаптации, соматического (психосоматического) функционирования;

- психологический анализ ситуации причинения нравственных страданий, обстоятельств, при которых подэкспертному были причинены эти страдания, с психологической верификацией состояния, возникшего непосредственно вслед за травмирующими обстоятельствами, с анализом обстоятельств, которые имели субъективно повышенную травмирующую нагрузку; психологической оценкой наличия (отсутствия) причинной связи между страданиями истца и действиями ответчика;

- анализ динамики изменений состояния, произошедших с момента причинения нравственных страданий, с оценкой актуального состояния, включавшей качественно-количественный анализ экспериментальных показателей, субъективных оценок, свидетельских показаний, медицинской документации, содержащих сведения о динамике изменений, степени выраженности, глубине, объеме произошедших у подэкспертного изменений (уровень изменения личностного реагирования, определение сфер жизнедеятельности, в которых произошли изменения, характер и глубина нарушения социальной адаптации, наличие \ отсутствие обострения или появления ранее не зафиксированных психических или соматических расстройств);

- интегральный анализ полученных сведений с психологической оценкой прогноза последствий и обратимости наступивших изменений.

Основой для оценки степени и тяжести страданий являлась классификация А.Н. Калининой (Теоретические и методические основы судебной психологической экспертизы по делам о компенсации морального вреда, М., 2006), как наиболее простой и отвечающий требованиям практической психологии инструмент оценки степени психического вреда. Однако данная классификация была нами несколько видоизменена и расширена, с включением в отдельный диагностический класс аффективных состояний различной интенсивности, ограниченных во времени и не имевших существенных последствий. На наш взгляд, подобное расширение классификации дополняет, но принципиально не меняет характеристик, взятых Калининой А.Н. (глубина и длительность изменений психической деятельности) за основу оценки. Кроме того, нами были дифференцированы временные параметры при определении степени вреда - с включением периода от шести месяцев до одного года, поскольку само по себе установление фактов, ставших причиной последующих психологических изменений, не устраняет трудностей, связанных с определением непосредственной причины психотравмирующих воздействий. Эти трудности связаны с тем, что одно и то же психологическое следствие может быть вызвано несколькими однотипными причинами, которые могут действовать либо совокупно, либо порознь. В свою очередь при определенной констелляции внутренних и внешних условий совокупно действующие причины могут либо усиливать одна другую, либо ослаблять или же нейтрализовать друг друга.

В связи с этим основная проблема, с которой столкнулись авторы при проведении данного вида работы - это отсутствие четких теоретических обоснований степени морального вреда. Несмотря на появление в последние годы публикаций (Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. 2006; Южанинова А.Л. и др.), тем не менее, отсутствие теоретических работ и практических рекомендаций по определению психологических критериев степени морального вреда остается проблемой, сдерживающей использование возможностей судебно-психологической экспертизы (а равно и комплексных медико-психологической, психолого-психиатрической экспертиз) в делах об определении морального вреда.